

РИНА ОРЕ

ноль ₪ в месяц!

ТОЛЬКО ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС И У НАС!
ООО «ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ»

ПЕРВЫЙ *первый* ЭПИЗОД

ТРАГИКОМЕДИЯ, ЧЕРНЫЙ ЮМОР, СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Рина Оре

**Ноль рублей в месяц.
Первый эпизод**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рина Оре

Ноль рублей в месяц. Первый эпизод / Рина Оре — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Некий богатый шовинист, жмот и, уж простите за прямоту, зажавшийся засранец, внезапно узнает, что он неизлечимо болен... Это трагикомедия, полная черного юмора, со счастливым концом. А сам автор данной повести с уважением относится ко всем людям, любых национальностей, рас и убеждений, желает всем мира да от всей души любит свою Родину, восхищаясь нашим народным юмором, современным или уходящим в Историю. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Часть 1

«Я долларовый миллионер... я ничто. А мне всего пятьдесят пять... Как там надо?.. "Посадить дерево, построить дом, вырастить сына..." Сын! – здесь мне точно незачет. И ладно бы это был обалдуй, гоняющий на спорткаре по ночным улицам столиц от аварии до аварии, – ладно, я бы понял – все мы были молодыми обалдуями, но... Но у моего "каминг-маминг-аут"! – довоспитывала его его маманя-стерва. Э-ге-гей он!»

– Николай Маркович, вы хорошо слышите меня? Вы понимаете мои слова? Мультиформная глиобластома в последней стадии.

Это сказал Феликс Фишер – белозубый, как вампир, плотно упакованный в черный костюм-тройку, точно в гроб, переводчик лет тридцати с небольшим.

«Не русоволосый, а сивый. Некрасивый. Зубастый педант. А скорее всего, прикидывается педантом, чтобы стать своим для местных. Знаем мы таких – пригрелся эмигрантик-репатриант... Теперь сосет бабло, ласковый телок, и из наших, и из ваших...»

– Вы понимаете, х'эрр Х'хёловкоф?

Это уже произнес доктор, исковеркав его фамилию и снова обозвав его хером.

Николай Маркович, будто очнувшись ото сна, осоловело обвел замутненными темно-кариными глазами светлый, чистый кабинет: молочный полоток, плитка пола из розоватого псевдомрамора, кремовые стены, разновидность дрянной пальмы в углу... «Разве это пальма? – она ни солнца не видела, ни моря не знала, одну химию». Зеленовато-стеклянные полки и столики заполнены чепухой, как и стеллаж: несколько книг-журналов для вида, зато то тут, то там маячат азиатские вазочки и миски из дерева. «Тоже дрянные – им место в расслабляющем спа, среди восхитительно величавых лотосов, грациозных восточных красавиц и счастья. Насмешка».

– Вы понимаете диагноз? – повторил «вампир». – Осознаете? Мультиформная глиобластома. Злокачественная опухоль. Не-о-пе-ра-бельная, – неспешно размыкались и смыкались белые челюсти с островатыми клыками.

– Юу вас фф х'хёлове, х'эрр Х'хёловкоф, опухель. Рак мозгга.

«Я тебе, немец, не хер, я – Николай Маркович Головка, просил же называть меня по имени и отчеству! Рот твой, что ли, природой неустроен выговаривать певуче? И да, я, ясен ферштейн, всё ясно осознаю! Вот панорамное окно с видом на умиротворяюще-мертвые, белые горы – это ледник – Австрия. У окна два кресла, обитых кожей цвета горького шоколада, в креслах, подавшись вперед, ко мне, напрягаются переводчик-вампир и немец-врач австрийский – он периодически что-то лопочет на своем "шлимме-майне-гут-яволь". Врач под стать переводчику клиники – жутко неприятный: беловласый, однако кожа розовая и упругая, как у младенца. Поди, стволовые клетки тоннами цедит. У него лишь морщинки-лучики у глаз. Много смеется. Вот скажет очередному пациенту, что у того рак "мозгга", и поржет через миг за ланчем...»

– Николай Маркович, вы сейчас в состоянии шока. Мы вам, – будничным голосом вещал переводчик, – от всей души и сердца сочувствуем...

«Сочувствуют они! Расселись здесь кровососы в шоколаде! Хотя, какой там шоколад! – их кресла цвета, ха-ха, стула, да притом стула хронического язвенника! Я, Николай Маркович Головка, – хронический язвенник! Я тоже сижу в дерьмо-стуле-кресле напротив них... О, что-то интересное! – картина справа... светлая, едва заметная... на ней две руки вот-вот коснутся друг друга указательными пальцами... Нет. Уже коснулись миг назад. Я узнал... Это... как там, это из Сикстинской акапеллы. Микелле... Плачидо?! Не Плачидо? Ааа, хер с хером Микелле, Плачидо он или нет. Важно – миг назад перст Бога оживил Адама, первого человека... Видать, эти два упыря считают, что ради их клиники людей-то на Земле организовали!»

– Как рак? – услышал Николай Маркович свой растерянный голос. – Почему рак? Отчего рак? Когда?..

В ответ австрийский доктор ласково «зашлипкал». Феликс Фишер, делая паузы, деловито переводил, а Николай Маркович слушал его вполуха.

– Глиобластома – наиболее агрессивная опухоль мозга... развивается стремительно... чаще встречается у мужчин... спорадический характер... курение, алкоголь, отравление свинцом, излучения, вирусы...

«Дом. Что у нас с домом? Нуу... особняк всем на зависть у Москвы у меня есть... Как же я ненавижу этот дом! Строил с любовью после развода с первой женой, да вторую жену завел под стать своему красивому дому – красивую, модель... Проститутка неблагодарная! Изменила мне в моем же доме с шофером! На три часа, хоть и любительского, но вполне профессионального порева!.. Полгода минуло, а до сих пор мне паршиво... Что такое, вообще, есть "дом"? Стены, крыша, сад в цветочках? Или счастливые детские смешки, поцелуи любящей и любимой, манящий семейным теплом аромат вкусного ужина?.. Какая ценность в безжизненных, холодных, оскверненных проституткой, стенах?»

– На первых стадиях рак мозга весьма коварен. Эпизодические головные боли, головокружения, нарушение сна, усталость, раздражительность, рвота. Больные чаще всего думают на отравление, усталость и стресс, не обследуются должным образом, глотают таблетки...

«Дерево... Рубить – да, рубил порядочно. Еще случалось мне сажать картошку. Сойдет за дерево? Вряд ли... Деревя и того у меня в активе нет! Ну как так?! Как я дошел до того, что оглянувшись на прожитую жизнь, признаюсь себе, что я ничто?! Я?! – водочный король! Кой толк мне сейчас от миллионов?! Или... Бабло же побеждает зло!»

– Без химиотерапии и лучевой терапии всего за пару месяцев первая стадия рака мозга способна перейти в четвертую. Больной видит галлюцинации, извращается восприятие, возникают и учащаются эпилептические припадки. Рвота появляется от взгляда на еду. А кроме того: потеря памяти, бред, апатия или фобии, мания преследования, болезненная ревность, агрессии...

– Хватит меня пугать, – перебил переводчика Николай Маркович. – К делу. Как лечить будете? Сколько стоит?

Бело-розовый доктор тяжело вздохнул, но Феликс Фишер и сивой бровью не повел.

– Николай Маркович, в нашей клинике мы с вами пройдем через пять состояний. Шок у вас неминуемо сменится отрицанием, далее – агрессией, далее – депрессией, далее, с нашей помощью, благим смирением.

– Не понял! А химия?!

– Химиотерапия при вашем здоровье?! – изумился ранее невозмутимый «вампир». – Два инфаркта, язва желудка да липодистрофия печени от злоупотребления алкоголем... К тому же, чуда не будет. Осознайте это, Николай Маркович. Опухоль неоперабельная.

– Что?! Что осознать?! Я всё и так четко осознаю! Как лечить будете, спрашиваю?!

Австрийский доктор быстро заговорил, успокаивая взволнованного пациента.

– Лечат рак мозга четвертой стадии, – переводил Феликс Фишер, – стационарно или амбулаторно, в хосписной службе, путем введения опиоидных анальгетиков...

– Хоспис?! – вскочил с кресла Николай Маркович.

– Наша цель – уменьшить ваши страдания и обеспечить вам спокойную смерть.

У Николая Марковича при слове «смерть» потемнело в глазах. Дурнота отступила, лишь тогда, когда доктор и переводчик усадили его обратно в кресло.

– Сейчас ваше состояние шока меняется на состояния отрицания и агрессии, – одновременно говорили по-немецки и по-русски «упыри». – В этом состоянии прежде всего наиболее важно ясно и четко осознать, что лечение нужно начинать незамедлительно.

– В хосписе?!

– Мы начнем с интенсивной психосоциальной терапии, окажем вам духовную поддержку. Рак – это не ночной кошмар, не иллюзия, не наваждение. Он не пройдет, если от него отмахнуться. Смерть – ваша новая реальность. Конец ближе с каждым днем. Без лечения придет обида на весь мир, на всех здоровых людей, на близких людей в первую очередь. Чем горше будет обида, тем глубже случится падение в депрессию, апатию, душевные мучения. Вы предпочли бы умереть счастливым или несчастн...

– Я предпочел бы не умирать! Сколько мне остааалось? – простонал Николай Маркович.

– Три месяца.

Николай Маркович бессознательно ошупал свою грудь в свитере и пошарил по карманам брюк в поисках сигарет – и вспомнил, что семь лет как не курит.

– Курить хочу...

– ...Но в нашей клинике никто не курит. Да и вам никак нельзя...

– Курить хочу!

– ...Кажется, наш уборщик из Афганистана всё же курит... И очень этого, замечу, стесняется! – не удержавшись, пристыдил Николая Марковича белозубый «вампир».

Феликс Фишер и доктор оживленно заговорили по-немецки. Доносились «я-я», «найны» и «ихты-нихты». Николай Маркович вдруг вспомнил, как давным-давно, пятьдесят лет назад, бабушка, уложив его, маленького, спать на диване, потушив свет и сама лежа на своей кровати, долго говорила о немцах – как в сорок первом они напали на их деревню, как убивали, грабили, угоняли в плен... Подробностей он не помнил. Помнил только черную темноту, бубнеж из угла, свой дикий страх и полную луну в окне. С тех пор он никогда не мог спать при свете полной луны...

«Надо отсюда бежать! – осенило Николая Марковича. – Немедленно. Спасибо, бабуля! – не зря предупреждала. Немцы вот-вот и меня погонят на смерть, как тебя!»

Николай Маркович резко рванул из кресла к выходу, рывком распахнул дверь кабинета, и, обернувшись на пороге, грозно гаркнул на бросившихся к нему «упырей».

– ...Николай Маркович, – оторопел Феликс Фишер, – никто насильно вас и не думает задерживать. Наша цель – всесторонняя вам помощь. Мы от всего сердца сочу...

– Заткнись!

– ...Прогуляйтесь. Успокойтесь. Осознайте. При вашем заболевании мании, фобии и даже галлюцинации – обычное явление. А после, когда понимание неизбежного придет, я рекомендую вам как можно быстрее вернуться – и мы покажем вам палаты, обсудим амбулаторное лечение, если пожелаете, на дому, но, замечу, сервис нашей клиники – безупречен. И не мы вас торопим. Это время вас торопит. Без верного медикаментозного лечения, без таблеток, капельниц и инъекций, вы умрете от истощения или удушья уже через месяц.

– Ты, ты! – тряс пальцем в сторону переводчика взбешенный Николай Маркович, – ты похож на кровососа и гробовщика! А ты, – указал он на доктора.

И, услышав «шлимканье», понял только слова «битте» и «данке».

– Ты! Ты!.. Ты – Гитлер капут! – крикнув ошарашенному врачу, с видом победителя вышел из кабинета Николай Маркович.

– Битте-дритте, фрау-мадам! – донеслось из коридора, прежде чем захлопнулась дверь.

*

– Битте-дритте, фрау-мадам! – бодро поблагодарил Николай Маркович немилovidную, тоже зубастую, секретаршу, подавшую ему его пальто и шляпу.

Он оделся на ходу – так сильно хотел уйти побыстрее да подальше от «упырей». Почти бегом пронесся по коридорам и лестнице, но на ресепшене остановился у зеркала. На него смотрел элегантный красавец-мужчина в укороченном однобортном пальто темно-синего цвета, в белесом хлопком свитере с объемным горлом, в широкополой безупречной шляпе.

Еще бы! – стоила эта твидовая шляпа как перелет бизнес-классом из Москвы на ее родину, в Италию!

Сперва Николай Маркович машинально поправил шляпу, затем взгляделся в свое отражение. А он уже выглядит старше, чем есть, к тому же волосы серые от седины, морщины изрезали лоб, складки кожи у рта, а под глазами широкие темноватые круги. Он такой худой... Он всегда был худым, жилистым, но ныне... нет – он теперь тощий, изможденный. «Черт, пальто на мне висит, хотя утром я этого как-то не замечал». Силясь приободрить себя, Николай Маркович улыбнулся – и обрисовались кости черепа, – будто сама Смерть его поприветствовала: «Коляня, скор буду-не забуду!» «Коляня» едва не расплакался у того зеркала...

Прогоняя жалость к себе, он призвал злость. Где же его телохранитель и шофер?! «А, на улице, тупые дармоеды!» Широким шагом Николай Маркович вышел из клиники на улицу, огляделся, – нет их и арендованного «мерина» нет! Достал смартфон – да что за день! – «бипер» разряжен! «Ох, на кого бы наорать! Не то меня иначе щас разорвет!»

Но наорать было совсем не на кого. Тихая окраина альпийского городка казалась вымершей. Середина марта. Лыжный сезон здесь закончился, туристы разъехались, а местным лишь бы не работать: даже в центре сувенирные магазинчики и «ресторашки» ныне почти все закрыты. «Откуда, вообще, взялась эта байка о немцах-трудоголиках? Разве что в сравнении с итальянцами?..»

Николай Маркович решил вызвать такси. Уныло оглянулся на здание клиники – оно жизнерадостно желтое – лживое, оттого гнусное... «Нет, прогуляюсь немного, найду работающую лавку...» Вскоре увидел «кафен» (так и было написано на зеленом оконном навесе – «Cafen»). Наверняка внутри куча мерзких штруделей да невкусных жирных пирожных. Он всегда был равнодушен к сладкому, а вчера его едва не вытошнило при виде вывески с пончиком. Впрочем, уличное кафе «кафена» выглядело по-домашнему милым: плетеные легкие стулья у двух столиков, незатейливо-невинные оранжевые скатерти в белый горошек... И всего один кофеман – молодой плечистый парнишка в потрепанной куртке что-то «клацает в ноутбуке». Его волосы темнее темно-русого. Когда-то и у Николая Марковича был такой же цвет волос.

«Поди, полутурок – таких тут много... Ха, пьет не кофе, а пиво себе потягивает! Старушечий стаканчик заказал на 0,33... Пустая, чистая белая пепельница...»

А затем Николай Маркович увидел то, что магнитом потянуло его к «полутурку»: рядом с пепельницей лежала открытая пачка его любимых сигарет.

– Гутен таг, хер, – отвлек Николай Маркович парнишку от клацанья по клавишам, – эээ... айнц сигарета не дадите, битте-дритте?

«Парнишка» широко улыбнулся, продемонстрировав ровные зубы, приятного человеческого цвета и размера, после чего подал для рукопожатия руку.

– Василий Нечуйветер.

Теперь широко улыбнулся Николай Маркович:

– Родненький! С Украины! Николай Головки, – пожали они руки, и Николай Маркович сел напротив Василия за стол. – Я тоже украинец наполовину.

– А на другую?

– Спрашиваешь?! Я русский!

– Хм, совсем как и я...

– Так возьму сигарету? – уже доставал ее из пачки Николай Маркович. – А зажигалка есть?

– Есть лучше.

Василий выставил вперед указательный палец и на его кончике вспыхнул огонек.

– Ого! Ты, Вась, чё, фокусник?

– О да! Почти угадал.

– И много-то фокусами зашибаешь? – с наслаждением сделав первую затяжку. Николай Маркович невольно скривился – «Гадость-то какая!»

– ...Много?.. Скорее – достаточно.

– Ну да...

«Нищеврод».

– Пива, Николай, хочешь? Я для тебя его заказал, как и сигареты.

Николай Маркович рассмеялся.

– Понятны твои фокусы, Вася. Ты, что ль, разводила? Лошков здесь караулишь?

– ...Нет. Хотя, может, да. Мне любой сгодится.

– Чё строчишь?

– Даа так... короткие истории о людях, с какими случайно и не очень встречаюсь.

– Обо мне напишешь?

– Уже. Концовки только не хватает.

– Фокусник! – смеялся Николай Маркович. – Знаем мы таких!

Его настроение чудесным образом поднялось, недомогание и дурнота отступили, вкус сигарет больше противным не казался, и даже захотелось пива. Несомненно, будь эти события днем раньше, Николай Маркович заказал бы себе новое, но сегодня мысль о том, что его отравят, показалась уморительной: чего ему терять? Пиво, опять же, на халяву...

– Я чуть глотну?.. – не дожидаясь ответа, взял он стакан и несколько боязливо отхлебнул из него, опасаясь, что через миг его вывернет (оооо! – божественный эликсир!) – Вааась, – смакуя второй глоток и наслаждаясь дрязняще пряным послевкусием, задумчиво проговорил Николай Маркович, – а ты не знаешь, кто такой Плачидо? Вроде Микелле... А то привязался...

– Сейчас гляну, – заклацал по клавишам ноутбука Василий и прочитал с экрана: – Микеле Плачидо – итальянский актер и кинорежиссер. Всемирную известность получил в восьмидесятих после сериала «Спрут»...

– Точно! Эх... А кто тогда Сикстинскую акапеллу красил? Глянь там, а?

– Микеланджело, – усмехнулся Василий. – Сикстинскую капеллу.

– Умник... – недовольно произнес Николай Маркович, еще выпил, сделав пару больших глотков, и проговорил: – Но и я тебе не дурак. В школе-то я, да, учился на тройки. Но я кто угодно только не дурак. Более того: лет десять назад поставил себе цель – стать культурным. И стал. Видел бы ты меня тогдашнего, не признал бы в сегодняшнем! Я всякие книги читал... какие мне не нравились. Училку нанял... Она меня без ошибок писать научила и говорить безукоризненным литературным языком. А еще я так решил: больше не матерюсь! – и как отрезал. Даже в мыслях – ни-ни! Принцип! Понял? А вот жена моя первая так и осталась хабалкой. Поэтому я с ней развелся.

– Разве это не она подала на развод, устав от твоих измен и пьянок?

Николай Маркович косо глянул на Василия, вмиг оценив того от и до. «Приятное лицо, по-настоящему, дешево, потрепанные шмотки, молод, вроде... Лет на двадцать максимум, но... глаза больно взрослые. Что ты за тип, Васька? Фокусник, ха-ха, значит. Я все твои фокусы наперед знаю!»

– Ткнул пальцем в небо и думаешь, что попал? – теперь усмехнулся Николай Маркович. – Ладно, может, немного и попал... Да какие там измены? Наш брак давно был формальностью, как и у всех... И чё ей, стерве, не жилось ровно?! Родину предала! – шотландка она сейчас! Это такая ткань в клеточку!

– А ты патриот?

– Патриот! – с вызовом ответил Николай Маркович.

– Что ж тогда налоги честно не платишь?

– Пффф, да кто их у нас честно платит? На кой? Чтоб чинуша украл твои кровные? И, вообще, Вася, честность придумали для лохов. Я же, слава Богу, рано это понял. Оттого раз-

богател. Ты вот здесь в тряпье китайском сидишь, а на мне пальто от Дольче-габаны. Знаешь, сколько оно стоит?

– Знаю. Дороговато для меня... – кивнул Василий и помотал головой. – Я бы не стал покупать.

– Еще бы! Это эксклюзив!

– Сами Дольче и Габбана шили?

– Сами-сами! Даже для меня это «дороговато»! Ой как дороговато! И я бы не купил! Всё она! – вторая моя супружница. Когда женат на модели надо соответствовать... – махом опустошил стакан Николай Маркович. – А по натуре-то я человек простой, добрый... – взял он вторую сигарету. – Ладно, Вась. Исполни-ка мне еще раз, напоследок, свой фокус с пальцем и я пойду... Такси закажу и пойду...

Василий «исполнил», и едва Николай Маркович затыкнулся, появилась типичная фрау – бесцветная, рослая «валькирия» с квадратным подбородком. Она поставила на оранжевую скатерть в горошек две кружки с пивом.

– Найд, найд, найд, – замахал на пиво Николай Маркович.

– Подарок, х'эрт! – улыбнулась фрау.

«Ну чё они все здесь такие зубастые?!»

– Эээ... Мне, битте-дритте, такси нужно.

– Я-я! – кивнула фрау и удалилась.

– Битте-дритте? – беззлобно улыбнулся Василий.

– А как правильно?

– «Bitte» – это «пожалуйста». Dritte... Ты скоро узнаешь.

– Ааа... – отмахнулся Николай Маркович, отпивая из кружки. – Пред ними, немцами, не стыдно. А нахамить им невзначай – одно удовольствие. Они сами тебе «хер-хер» в лицо, и с улыбкой!.. Да знаю я, что «хер» – это их «господин», но заруби на носу, Вася: они это нарочно так придумали, чтобы русских оскорблять! Они такие! И фамилию мою через одного здесь коверкают. Написано же четко: «Го-лов-ко». А они свое «Ф» к концу ставят зачем-то! Неучи неграмотные!

– Так ты же сам назвался русским. На что обижаешься?

– Как на что? Это неуважение!

– Да брось. Просто большинство людей невнимательны: они верят не своим глазам, а тому, что якобы точно знают.

– Не защищай их! Они в этом не нуждаются. Все как на подбор зубастые... Зачем, а? Кнедли свои жевать?! Тьфу, – скривился Николай Маркович, – мерзость-то какая эти их кнедли! Вообще, вся их кухня – мерзость! Не по мне она! – пил он большими глотками и часто пиво. – Всё либо жирное, либо картошка, либо штрудели! И неважно: ресторан или ресторашка! А я привык правильно питаться. Пришлось... Язва у меня. Семь лет уж как. Пришлось бросить пить, курить, есть многое... Прихожу вот вчера в лучший, нахваленный всеми путеводителями и сайтами, ресторан – решил себя побаловать. По-английски я, кстати, неплохо говорю – наблатьялся – дело нехитрое. Даже уже знаю, что такое «каминг-аут»! И вот, значит, говорю в ресторане: «Мне здоровой хелс фуд пищи. Нот фэт, нот брэд, нот мит». И что, ты думаешь, мне приносят?! Картофан, один штука, в мундире! А вокруг него простокваша!

– Невкусно было? – улыбался Василий.

– ...Нууу... скорее вкусно, – пожал плечами Николай Маркович. – Но суть-то не в этом! Не во «вкусно» суть. Я что картошку в мундире дома не могу поесть?! Или простокваши давно не видел?! Лучший ресторан города! Зато цены! – будто бы то была не картошка, а омары в шампанском! Да я кто угодно только не дурак! Принцип! Говорю: «Объясните, за что я должен вам столько. Справитесь – заплачу!» В ответ мне, мол, картошка не простая, а золотая, – не из магазина, а с огорода, экологически чистая, без химии росла! И простокваша не из магазина,

а тоже самая-пресамая экологически чистая и домашняя! И еще сервис у них! Я в ответ: «Не жужжите! Такой картошки, простокваши и огородной экологии у нас в каждой деревне Голозадранкино не меряно! А сервис – чего-то я его гляжу-не разгляжу!» И что ты думаешь, Вася, повар мне ответил? То, что очень мне завидует! Что я живу в великолепной стране! Скотина, гнусная! Еще издевается!.. А менеджер сказал, что раз я недоволен сервисом, то ужин мне в подарок. И я ушел, не оставив чаевых, – допивал кружку пива Николай Маркович. – Лох, как ты, Вася, уж не обижайся, точно сейчас думает, что я повел себя как дикий русский. Но я точно знаю, что будь они правы, а не я, хрен они сделали бы мне вчера подарок. Скорее удавились бы. Повидал я таких... Я, чтоб ты знал, Вась, весь мир объездил. Где только не был! Даже в Ахуе был! Ахуй – это на Канарских островах, рыбачий поселок на сотню душ... Представляешь? – там люди живут и даже не знают, что они всегда в...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.